

Как нам недоставало этого голоса, этого видения мира!

И, кстати сказать, «запрещенный Булгаков» был не одинок. Такая же судьба пережита созданиями Евгения Замятина, Андрея Платонова, Бориса Пастернака, Сергея Есенина, Бориса Пильняка, Исаака Бабеля, Осипа Мандельштама. И многими, многими другими. Небывало трагическими были эти годы и судьбы...

Спасительная особенность большой литературы в том, что она «не проходит» вместе с жизнью писателя. Она продолжается, ибо правда о главном в человеческих и народных судьбах – неисчерпаема. Временны и бренны лишь верхоглядство и ложь.

Словом, задумаемся, всмотримся в эту правду вместе!

БУЛГАКОВ ЖИЛ «СВОИМ УМОМ»
с ПЕРВЫХ ШАГОВ в ЛИТЕРАТУРЕ

...«Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он утонул бы в море, публично уверяющей, что ей не нужна вода»...

М. Булгаков
(Из письма Правительству СССР.
1930 год)

В начале 20-х годов советскими писателями стали в большинстве очень молодые люди. В отличие от них Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940) пришел в литературу в сравнительно позднем возрасте – его первые сколько-нибудь заметные произведения появились, когда ему было уже за тридцать; настоящая известность пришла к нему лишь после постановки «Дней Турбиных» во МХАТе (первый сезон 1926–1927). Булгакову было уже за тридцать пять. К этим годам у многих советских писателей, ставших профессиональными литераторами после 1917 года, были, можно сказать, на подходе собрания сочинений (Б. Пильняк, Л. Леонов, Вс. Иванов, К. Федин и другие); уже ушел из жизни Есенин (а он был младше Булгакова на четыре года), в зените была меркнущая, правда, звезда Маяковского (и он был младше Булгакова на два года). А что же у Булгакова к этому времени? Россыпь репортерских заметок в московских газетах, две-три ранние, никому не ведомые пьесы, мелькнувшие без особого успеха на провинциальной сцене во время его скитаний по Северному Кавказу; несколько блестящих фельетонов в «Накануне», авторитетном «сменовеховском» органе («Записки на манжетах», еще кое-что); наконец, «Похождения Чичикова» и уже совсем в середине 20-х годов повести «Дьяволиада», «Роковые яйца», на две трети опубликованный роман «Белая гвардия» и неопубликованное «Собачье сердце». И все это, кроме газетного, можно было собрать в одну не слишком толстую книжку.

Репутация Булгакова к этому времени была уже подмочена: то ли он «внутренний эмигрант», то ли «буржуазный писатель». Да, именно так: Михаил Булгаков в первом томе «Литературной энциклопедии» (1929 год) был назван «внутренним эмигрантом».

...Почему же зашел разговор о возрасте писателей? А вот почему: в отличие от многих из них, втянутых в водоворот революции в ранней юности, воспринявших потрясения и взрывы за *норму* и воспитанных ими, Булгаков знал иную норму и был воспитан *другими* представлениями о жизни. Революцию он *не принял сразу же*.

В письме от 31 декабря 1917 года, оглядываясь на пережитое и всматриваясь в будущее, он писал: «Придет ли старое время?.. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад. Но, конечно, это исправить невозможно!» Самая первая из известных его публикаций (26 ноября 1919) называлась «Грядущие перспективы». Из статьи, как увидим, явствовало, что перспективы у новой России – неважные.

Многие из литературных современников Булгакова, особенно так называемые «пролетарские писатели», воспринимали действительность утопически: находясь внутри разрыва, исходя из катастрофы, участвуя в ней, более того, считая ее величайшим благом. Булгаков смотрел на русскую жизнь другими глазами. Он знал и любил другую жизнь – вне катастрофы.

Поэтому так важно знать, откуда пошел Булгаков, от каких корней.

С этой *другой жизнью* связывали писателя некоторые глубинные особенности его биографии, начиная с его происхождения.

Он родился 15 (по старому стилю 3) мая 1891 года в Киеве в семье Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых. И отец и мать писателя были родом из Орловской губернии, происходили из духовного сословия. «Мы были колокольные дворяне. Оба деда – священники; у одного было девять детей, у другого – десять» (из воспоминаний сестры писателя, Надежды Афанасьевны Земской). Кстати, и в семье Булгаковых было семеро детей: три сына и четыре дочери. После окончания Орловской духовной семинарии Афанасий Булгаков стал студентом Киевской духовной академии, потом сам учительствовал на Дону, в Новочеркасском духовном училище; через два года вернулся в Киевскую духовную академию – уже преподавателем. С 1897 года – доцент, а незадолго до ранней смерти – доктор богословия, ординарный (то есть штатный) профессор. Он умер 14 марта 1907 года, не дожив одного месяца до сорока восьми лет. Его старший сын, будущий знаменитый писатель, пережил возраст отца всего на один год, скончавшись без одного месяца сорока девяти лет от той же болезни – склероза почек.

Большая семья Булгаковых всегда была устойчива, благополучна, патриархальна, согрета внутренней теплотой, естественно связанная воедино сословной традицией. Жили большим дружным гнездом – среди таких же домовитых и основательных, жизнестойких и здоровых людей – в русском культурном киевском «слое».

В 1901 году Михаил Булгаков поступает в Первую Киевскую гимназию. После окончания ее, несколько поколебавшись

перед выбором – юридический или медицинский – поступает на медицинский факультет Киевского университета.

Весной 1916 года сдает университетские выпускные экзамены, получает диплом, коим «утвержден в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами...». Еще до выпуска студентом-старшекурсником с началом войны (уже шла Первая мировая) работает в госпиталях Саратова, Киева, в военных госпиталях Каменец-Подольска и Черновicz. С июля 1916 года молодой доктор – на самостоятельной работе в Никольской земской больнице Сычевского уезда Смоленской губернии, через год с небольшим – врач Вяземской городской земской больницы. В это время Булгаков начинает делать первые наброски рассказов, вошедших затем в цикл «Записки юного врача». Весной 1918 года, увольняясь перед возвращением в Киев, получает удостоверение, что в больнице «выполнял свои обязанности безупречно». (Здесь стоило бы заметить: иные из его литературных современников гордились тем, что они – недоучки, презревшие «казенные» гимназии и университеты: помните у Маяковского: «Меня ж из пятого вышибли класса, пошли швырять в московские тюрьмы...» И таких примеров – сколько угодно. Первое поколение советских писателей – во многом из недоучек. Из культуры они ушли в революцию. И эта печать писательской необразованности сохранилась на много лет. Учиться им было некогда – нужно было делать новую литературу.)

Словом, я клоню к тому, что революцию Булгаков встретил взрослым, образованным, знающим жизнь человеком. Его внутренний мир был защищен от скорого истощения. Писатель знал иную жизнь, дорожил ею. Знал не понаслышке; ему чужды были и божественные выкрутасы, и узкие «идейные» догмы. Свою первую четверть века он прожил в большом и теплом ДОМЕ – в своей семье, в своей культуре, в том главном слое русской жизни, который создавался веками. И хотя, как показал ход событий, и этот слой оказался слишком уязвимым, а стены ДОМА не защитили от многих бедствий, они все же в трудное время оставались первой и главной опорой его души.

...Напомню еще некоторые обстоятельства его долитературной жизни.

В марте 1918 года Булгаков с женой возвращается в Киев, живет в старом родительском доме на Андреевском спуске, 13. На Украине в это время бушует гражданская война. Киевские власти меняются непрерывно. Молодой врач не раз был мобилизован как военнообязанный. Работал хирургом. Видел много, очень много крови. Далеко не всех своих пациентов

Булгакову-врачу удалось спасти. Русская история повернулась к нему самой страшной стороной.

Всего на протяжении этих киевских «страшных, громыхающих лет» Булгаков насчитал 14 переворотов, из которых оказался свидетелем 10. В октябре 1919 года он был в очередной раз мобилизован – в деникинскую армию, попал во Владикавказ. После исхода деникинцев за рубеж Булгаков, оставшись в России, прекращает врачебную работу и становится литератором. До середины 1921 года живет во Владикавказе, печатается в газетах Северного Кавказа, пишет первые несохранившиеся пьесы («Братья Турбины», «Парижские коммунары», «Самооборона» и другие). Пьеса «Сыновья муллы» была все же опубликована уже в 1930 году на осетинском языке...

28 сентября 1921 года Михаил Булгаков приезжает – навсегда – в Москву. Началась «страшная московская жизнь» первой половины 20-х годов, жизнь бездомная. Без постоянной работы и – самое главное – почти без возможности делать свое главное дело. Впрочем, такой, по существу, она останется до конца его дней. Не приходилось ждать, что внешние условия будут кем-то созданы (вспомним это, когда речь пойдет о работе «двойника» Булгакова, его мастера).

Став жителем Москвы, Булгаков работает вначале в ЛИТО Наркомпроса в должности секретаря. Затем на протяжении почти пяти лет он связан с некоторыми из московских газет – фельетонист, обработчик, репортер. В том числе в таких крупных газетах, как «Рабочая газета», «Гудок» и, конечно, «Накануне» (это уже эмигрантская газета, выходила в Берлине). Эта изматывающая, нервная, не оставляющая внутреннего покоя работа давала ему немало в знании послереволюционной жизни. В общей сложности в эти годы он написал и напечатал более двухсот газетных текстов. Однако *главное*, вызревая в глубине, создавалось вопреки газетчине. Газетные времена Булгакова – это еще «доисторические» времена.

В феврале 1922 года умирает в Киеве мать писателя – Варвара Михайловна Булгакова. Это стало внутренним толчком к началу работы над «Белой гвардией». Там, в романе, старый дом тоже накренился и рухнул, когда умерла «мама, светлая королева». Напряженная работа над романом шла втайне в 1922–1923 годах.

«Исторический», состоявшийся Булгаков начинается лишь в 1924–1925 годах, когда в альманахе «Недра» (в феврале 1924 года) печатается сатирическая повесть «Роковые яйца», а в 1925 году выходят два номера журнала «Россия» с первыми частями «Белой гвардии».

И еще одно важнейшее событие.

3 апреля 1925 года М.Булгаков получает письмо режиссера МХАТа Б.И. Вершилова и приступает к превращению романа «Белая гвардия» в пьесу. С этого момента начинается история «Театра Булгакова», мучительный и радостный сюжет, затянувшийся на многие годы.

С этого времени начинается писательская известность Булгакова. Герой романа «Мастер и Маргарита» сказал о себе: «Я вышел в жизнь, держа его (*роман. – В.А.*) в руках, и тогда моя жизнь кончилась». Булгаковская жизнь, напротив, тогда-то и началась, хотя, как известно, ему пришлось пережить куда больше в сравнении с персонажем по имени «мастер»! Дальше жизнь Булгакова, в сущности, сводится к истории его сочинений, к внутренней биографии, опыт которой во многом стал содержанием его литературного творчества.

Но прежде чем говорить об этом, еще несколько замечаний о *личности* Булгакова накануне главного пятидесятилетия его жизни.

Перед русскими литераторами этого времени открывалась, как известно, возможность нескольких выборов. Один из них сделали писатели, ушедшие в эмиграцию. И, может быть, там, в изгнании, какое-то время продолжалась самая «чистая» линия русской литературы. Другой выбор сделали, например, Маяковский, позднее Фадеев, отказавшиеся ради торжества утопии от полноты творческого и духовного самоосуществления. Третий выбор – отстаивание творческой независимости и одновременно принятие самого «рока событий». Вспомним есенинское:

Приемлю все, как есть все принимаю,
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маям,
Но только лиры милой не отдам.

Был и такой выбор: литературный и житейский успех в советской системе едва ли не любой ценой. Этот выбор родил полчища конформистов, среди которых встречались и незаурядные, талантливые люди, так и не осуществившие себя по-настоящему (это путь В. Катаева, Н. Тихонова, К. Федина и многих других).

Михаил Булгаков сделал *свой* выбор. Отстаивая свою независимость, он сразу круто отвернул от того тупика, в который время заманивало соблазнами и искушениями людей, потерявших ДОМ и БОГА. В этом выборе ближе других Булгакову (хотя и каждый по-своему – это большой и отдельный разговор) были Ахматова, Замятин, Клюев, Мандельштам, Платонов, Шолохов...